

Глава 5

В голове загудело, а сердце забилося так неистово, словно вознамерилось проломить ребра и выскочить из груди. Жуань Бэй судорожно глотнул воздух, чувствуя, что еще мгновение — и он просто лишится чувств.

Глаза его расширились от ужаса, с лица сбежала вся краска. Он замер с полуоткрытым ртом, не в силах даже вскрикнуть: скованный ледяным оцепенением, юноша мог лишь издавать слабые, жалобные звуки, похожие на писк испуганного зверька.

— Сяо Бэй, ты чего?..

В ушах Жуань Бэя стоял глухой шум, мысли путались, но инстинкт самосохранения сработал быстрее рассудка. Подкосившиеся было ноги внезапно обрели невероятную легкость — он сорвался с места и в мгновение ока скрылся из виду, оставив растерянный голос старика далеко позади.

Дедушка Хэ с недоумением высунулся из окна каморки, оглядел пустые ворота и проворчал:

— Никого же нет... Чего это парень так всполошился, будто за ним черти гонятся?

Жуань Бэй, едва не обезумев от страха, мчался к своему подъезду. Дом всегда был для него местом безопасности. И пусть их старая железная дверь не чета охране и свирепым псам в семье Лу, только за ней его сердце могло обрести покой.

В их старой семизэтажке не было лифта. Юноша жил на третьем этаже; взлетая по лестнице, он перепрыгивал через две-три ступени и в считанные секунды оказался у порога своей квартиры.

Пальцы дрожали, ключи никак не хотели попадать в скважину. В старых домах звукоизоляция всегда была плохой: из-за двери соседей доносился шум телевизора, тонко вскрикивал ребенок. Все эти обыденные звуки переплетались, и среди них, словно галлюцинация, отчетливо слышались зловещие шаги, заставлявшие сердце замирать от ужаса.

«У призраков не должно быть шагов...»

Эта мысль хаотично металась в голове. Волосы на затылке встали дыбом, спину обдало ледяным потом. Ключи звенели и выскользывали из рук, пальцы одеревенели и наотрез отказывались слушаться.

— Сяо Бэй, это ты?

За дверью слышались шаги — видимо, мать услышала, как он бежал по лестнице, и подошла

открыть.

Жуань Бэй будто током ударило, и туман в голове мгновенно рассеялся.

«Нельзя заходить!»

Мама была дома. Он не мог привести за собой призрака, не мог позволить этой твари навредить его семье...

Сжав ключи в кулаке, он круто развернулся и бросился выше по лестнице. Бежать вниз юноша не решался — вдруг столкнется с Ним лицом к лицу? Оглядываться было еще страшнее, поэтому оставался один путь — вверх.

Миновав один пролет, он оказался на четвертом этаже. Дрожащими руками парень отыскал нужный ключ и нырнул в квартиру над своей. Одной рукой он нащупал выключатель, а другой с силой захлопнул тяжелую дверь.

Внутри стояла тишина. На диванах и креслах в гостиной белели защитные чехлы, скрывая мебель. Прижавшись спиной к холодной стене, Жуань Бэй замер. Не услышав подозрительных звуков, он наконец позволил себе выдохнуть, и натянутые до предела нервы немного расслабились.

Внезапная трель телефона заставила его подпрыгнуть. Дрожащей рукой он вытащил мобильный — звонила мама.

Сердце снова сжалось, он поспешно нажал на кнопку ответа:

— Да, мам, что случилось?

— Ты уже пришел? — послышался голос Мамы Жуань. — Мне показалось, за дверь кто-то был, я открыла — никого. Позвонила твоему отцу, а он говорит, что ты давно ушел. Ты где застрял?

— Я... — Жуань Бэй огляделся по сторонам и, поколебавшись, выдавил: — Mam, я сегодня хочу переночевать наверху.

— Наверху? Неужели Кунь-кунь вернулся?

В этой квартире жил его лучший друг детства — Цинь Гу. В детстве Жуань Бэй еще плохо знал иероглифы и вместо «Цинь Гу» прозвал друга «Кунь-кунь», что значило «Соня». К тому же тот тогда рос слабым и болезненным мальчиком, вечно выглядел вялым и сонным, так что прозвище приклеилось намертво. Цинь Гу был на редкость добродушным: он никогда не

обижался, откликался на «Кунь-куня» и всегда с улыбкой угощал маленького Бэя сладостями. Со временем даже взрослые привыкли так его называть.

Дедушка Хэ, который воспитывал мальчика, часто гладил Сяо Бэя по голове и говорил:

— Какое мягкое прозвище, Сяо Бэй у нас смысленный малый.

Малыш в ответ только глупо улыбался и хвостиком ходил за Цинь Гу, выпрашивая конфеты. Свой первый молочный зуб он потерял, когда грыз нугу, подаренную другом. Тогда он ревел во весь голос от испуга, а маленький Цинь Гу в полной растерянности держал на ладони его крошечный выпавший зуб.

Юноша очнулся от воспоминаний, не заметив, как на его губах появилась невольная улыбка.

— Нет... еще не вернулся.

Он знал, что в квартире семьи Цинь никого нет, именно поэтому и сбежал сюда.

— И что ты там один делать будешь? — удивилась мать.

Жуань Бэй долго мямлил, не зная, что соврать, и наконец выпалил:

— Просто... соскучился по нему. Переночую сегодня в его комнате.

Мама Жуань вздохнула:

— Ну ладно. Тебе одеяло принести? Или, может, спустишься поужинать?

Жуань Бэй качнул головой, но вовремя вспомнил, что мать его не видит:

— Не нужно, я сам всё найду. Я поел лапши у папы, так что не голоден. Ужинать не буду.

— Кунь-кунь как раз должен скоро приехать, — добавила мама. — Завтра поднимусь к тебе, и мы вместе сделаем уборку.

Цинь Гу с детства не отличался крепким здоровьем. Его дед, пользуясь старыми связями, отправил внука к какому-то таинственному другу обучаться боевым искусствам. Мальчик уезжал туда на месяц-другой каждый год. И это помогло: Цинь Гу окреп, вытянулся и, хотя на первый взгляд казался бледным и худощавым, в бассейне Жуань Бэй видел его тело — гибкое, с сухими и плотными мышцами. Сяо Бэй тогда даже немного позавидовал такой стати.

После смерти дедушки Хэ несколько лет назад Цинь Гу почти каждый день обедал у них. Дружба парней крепла, и родители Жуань Бэй уже давно считали его вторым сыном.

В его прошлой жизни Цинь Гу вернулся на полмесяца позже обычного — говорил, что у учителя возникли какие-то дела. Побыв дома совсем недолго, он снова уехал, причем в большой спешке, и больше Жуань Бэй его не видел.

Связаться с ним было невозможно: телефон молчал, контактов учителя не было, а на самого юношу тогда посыпались беды одна за другой. Позже, когда жизнь немного наладилась, он пытался разыскать друга, опасаясь, что с тем случилось несчастье, но поиски не дали плодов.

Перед самым двадцатилетием Жуань Бэй пришла посылка. Внутри лежала нефритовая подвеска и письмо. Он сразу узнал украшение — Цинь Гу носил его с самого детства и не снимал даже в душе. В письме было всего несколько строк, написанных торопливым, неровным почерком. Цинь Гу умолял его надеть этот нефрит и ждать его возвращения.

Юноша так и не дождался своего друга. Он погиб в семье Лу, не успев больше ни разу взглянуть в глаза своему Кунь-куню.

В этой жизни он знал, какие беды грозят его семье и как их избежать, но вот что случилось с Цинь Гу — оставалось для него загадкой. Он знал только, что у друга есть учитель, но кто это и где именно он обучал Цинь Гу боевым искусствам, юноша не имел ни малейшего понятия. Оставалось только ждать его возвращения и во всем разобраться.

Жуань Бэй не знал, будет ли призрак преследовать его завтра, поэтому ответил матери уклончиво:

— Завтра решим. Сейчас погода пасмурная, стирать и сушить вещи всё равно неудобно.

— И то верно. Тогда подождем.

Успокоив мать парой слов, Жуань Бэй убрал телефон. В квартире воцарилась тишина. Пока он разговаривал, страх отступил, но теперь, оставшись в одиночестве, он снова почувствовал беспокойство. Покосившись на входную дверь, он не решился заглянуть в глазок и, стараясь не думать о плохом, прошел в комнату Цинь Гу.

Планировка здесь была такой же, как и у него: три комнаты, гостиная, кухня и санузел, хотя спальни были совсем крохотными. Одну из них занимал дедушка Хэ; после его смерти Цинь Гу оставил там всё как было. Из оставшихся двух комнат одна служила спальней для самого друга, а другая — общим кабинетом. Дедушка Хэ был мастером каллиграфии, и Жуань Бэй со своей старшей сестрой Жуань Си когда-то даже брали у него уроки.

В комнате друга юноша раньше проводил уйму времени — она была ему родной, как своя. Но,

учитывая прошлую жизнь, он не переступал этот порог целых семь лет. На него хлынула волна забытых чувств — смесь узнавания и легкой отстраненности.

Прямо напротив входа стоял большой письменный стол, перед которым теснились два стула. Долгие годы они с Цинь Гу сидели здесь плечом к плечу, делая уроки или читая комиксы. Рядом со столом высился книжный шкаф, где были аккуратно расставлены старые книги, сохранившие на себе отпечаток времени. На верхней полке стояло несколько моделей — их Жуань Бэй подарил другу, и они собирали их вместе.

Напротив шкафа стояла старая деревянная кровать, застеленная светлым покрывалом. На деревянной спинке виднелись обрывки старых наклеек. Когда пальцы юноши коснулись их, из глубин памяти хлынули воспоминания.

Ему на миг почудились два маленьких мальчика: один — круглолицый, с чистыми и ясными глазами, другой — бледный и хрупкий, но оба удивительно красивые. Прижавшись друг к другу, они увлеченно выбирали самые красивые наклейки, спорили и в итоге приклеили по одной на свою сторону кровати.

Жуань Бэй невольно улыбнулся. Это было его прошлое, его детство и юность — простые, обычные, но полные искренней радости. Вспоминать об этом было легко и приятно.

Семья Лу презирала его за бедность. Цинь Шэнь, друг детства Лу Сыбая, вечно опасался, что Бэй будет навязываться ему, и не раз предупреждал, чтобы тот даже не мечтал о нем и не смел сравнивать себя с Лу Сыбаем.

Жуань Бэй тогда только диву давался. Лишь попав в семью Лу, он узнал, что мальчики могут любить мальчиков. Лу Сыбай и Цинь Шэнь казались парой, и парень воспринимал это просто как расширение кругозора — у него и в мыслях не было претендовать на Цинь Шэня, который был ему совершенно чужим и к тому же вел себя по-хамски. Но тот каждый раз смотрел на него с таким отвращением, будто Жуань Бэй вот-вот бросится ему на шею.

Юноша считал это верхом несправедливости. Цинь Шэнь ему не просто не нравился — он был ему противен. Но даже если бы Бэю и приглянулся парень, разве его собственный Кунь-кунь не был в сто раз лучше?

Конечно, такие мысли проскакивали лишь на мгновение, после чего Жуань Бэй испытывал чувство вины, считая, что оскверняет их чистую братскую дружбу с Цинь Гу.

Теперь же юноша думал о том, что в этой жизни он не вернется в семью Лу. У Лу Сыбая был целый легион обожателей — первый, второй, третий... бог весть сколько. Интересно, когда у них не останется общего врага в его лице, начнут ли они грызться между собой? Если да, то он будет только рад. В конце концов, в прошлой жизни он натерпелся от этих типов: каждый из них считал своим долгом издеваться над ним под предлогом мести за Лу Сыбая, хотя сам Бэй и понятия не имел, чем он так насолил этому «святоше». Просто стоило ему оказаться рядом с Лу Сыбаем, как на него так и сыпались несчастья — видимо, он действительно прогневал

какого-то бога, раз его вечно сталкивало с этой компанией.

Перебрав в уме старые обиды, он почувствовал, как на душе становится спокойнее. Знакомая обстановка дарила ощущение защищенности. Привычными движениями Жуань Бэй отыскал чистое белье, перестелил кровать и достал из шкафа теплое одеяло.

Собираясь в душ, он специально позвонил матери. Болтая ни о чем, он быстро умылся и буквально пулей влетел обратно в спальню, с головой зарывшись под одеяло.

<http://bllate.org/book/15323/1358014>